

Михаил Никольский

Моя палитра

Сборник стихов

Михаил Никольский
Моя палитра. Сборник стихов

«Издательские решения»

Никольский М. Ю.

Моя палитра. Сборник стихов / М. Ю. Никольский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904527-0

В книге «Моя палитра» собраны стихи-переживания, мысли, воспоминания, авторское видение различных аспектов и явлений человеческой природы. Есть стихи-посвящения. В творчестве автора часто затрагиваются темы войны, темы гражданской направленности. Не обошёл стороной автор и лирику — темы любви, дружбы разнообразно представлены в его стихотворениях. Некоторые стихотворения стали авторскими песнями. Часть из них включены в авторскую литературно-музыкальную программу «И почти кино».

ISBN 978-5-44-904527-0

© Никольский М. Ю.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Мой мир	6
Письмо из Ленинграда	6
Здравствуй, Питер	8
Дрожит свечой последняя строка	9
Сын врага народа	10
Беломорье	12
Вьюга	13
И над сонной землёю парить	14
Признание в любви	15
И ласточек опять высок полёт	16
Певец земли родной	17
Я придумал её, чтоб звонить	18
Луна просфорою нависла	19
Глава 2. Дошёл, дожил на той войне	20
Дошёл, дожил на той войне	20
Убили его вчера	23
И бой всё дальше, и бой всё тише	24
Я войною был сыт в сорок пятом	25
Защитникам Отечества	26
Протопал он от Бреста до Берлина	27
Атака	28
Была здесь сломана война!	29
На войне обычное дело – смерть за Родину	30
Глава 3. Перестройка	33
Перестройка. Начало	33
Перестройка. Конец Союза	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Моя палитра Сборник стихов

Михаил Юрьевич Никольский

© Михаил Юрьевич Никольский, 2019

ISBN 978-5-4490-4527-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Мой мир

Письмо из Ленинграда

По мотивам реального письма Веры Алексеевны Вечерской сыну Павлу

Сынок мой Пашенька, пишу тебе опять,
Хоть лишь вчера послала треугольник.
Уж ночь почти, но многие не спят.
А за стеной терзает скрипку школьник.

Ты знаешь, сын, я думала, весна
Теперь в наш ад, как прежде, не заглянет.
С тобой просталась в мыслях я и снах,
На льда Невы засматриваясь глянец.

Но видно есть над нами всё же Бог.
Ты помнишь Мойку, Пушкина обитель? —
Не смог фашист – хоть тужился – не смог
Взорвать её. Сгорел зениткой сбитый.

Сегодня там читали нам стихи —
Вишневский, Инбер – в домике на Мойке.
Ушли и боль, и страхи, и грехи —
И веришь, сын, весенний запах стойкий

Вернулся вдруг в промёрзший Ленинград.
Я шла пешком до Стрелки и обратно.
Кругом грачи восторженно галдят,
Румянцевский зелёный и нарядный —

Там сеют лук, петрушку и укроп.
И снова жизнь во всходах и повсюду!
Теперь дождусь тебя, не лягу в гроб,
За жизнь твою молиться Богу буду.

То там, то тут ватаги детворы,
Как воробьи, щебечут и дерутся,
И даже дворники метут с утра дворы,
И Летний Сад совсем уже не куций.

С твоею Лёлей мы живём вдвоём —
Её родных в ту осень разбомбили.
Читаем с ней, грустим и очень ждём,
Когда вернёшься – чтобы вы любили

Друг друга так, как любят жизнь и свет.

И мы тебя дождёмся непременно —
Пришла весна, и смерти больше нет,
И вновь цветут на клумбах цикламены.

Здравствуй, Питер

Здравствуй, Питер... Мы квиты давно:
Ты не принял меня, я уехал...
Вдоль маршрута года, словно вежи,
Пронеслись стаей титров в кино.

Ты всё так же февральски угрюм,
Беззаботно-июньски напыщен...
Бесконечно-несметные тыщи
Ходят толпами в кронверкский трюм.

Отражаясь гранитом в Неве,
Петропавловкой в небо вонзаясь,
Навсегда ты в моей голове,
Я – твоя нежившая завязь.

И каналы твои – трубы вен
Сквозь меня гонят кровь этих улиц,
Фонарями ночными сутулясь,
С Летним Садам купаясь в листве.

Я, южанином став, не забыл
Про дожди и промозглые ветры...
Наводнений балтийские метры,
И коней необузданных пыл.

И качаются в такт фонари,
Скачут в ритме осеннего вальса,
Струны грифа впиваются в пальцы,
И срывается голос на крик.

Дрожит свечой последняя строка

Безмузы нынче... Осень... Но жара
Из лета зноем августа крадётся...
Листва пустынной плоскостью двора
Шуршит, и небо в раструбе колодца

Синеет блёкло где-то далеко.
И полдень льёт на землю жар тягучий.
И облаков случайных молоком
Белеют кляксы в мареве летучем.

И шорох слов, слетевших с языка,
Листве сухой ответит унисоном...
Дрожит свечой последняя строка
Из жарких дней с сентябрьским шансоном.

Сын врага народа

Меня сослали в неполных восемь.
Меня и маму... Папаше десять
Впаяли... Помню, стояла осень...
С тех пор пугают и даже бесят

Часы предзимья. Как вой разлуки.
Как стук в парадном – случайный, в полночь —
Когда от страха трясутся руки,
И сон кошмарный вздымает волны.

Я вижу зиму и вертухаев —
У них собаки ужасно злые.
И их, как будто, мне не в чем хаять —
«Плохие кто-то» кричали «Пли!» им.

Потом теплушки коровьи были...
На полустанках – вода с селедкой...
Тянулись морды в проём кобыльи —
Лошадки руки лизали... В глотках

Всё клокотало... И кашля хрипы
Вагон коровий на части рвали...
И кто-то умер тогда от гриппа,
Кажись, дочурка соседки – Вали...

И в Кустанае несладко жили —
Не щи хлебали три года долгих:
На пилораме мамаша жилы
Рвала в уплату бывшего долга...

Но всё проходит... Прошло и это.
Домой вернулись. С клеймом по жизни.
Меняли зимы наряд на летний,
Я был изгоем в своей Отчизне.

В аэроклубе узнали, кто я —
И попросили... Но не остаться...
Сносил я эти удары стоя,
Ужасно это обидно, братцы.

За власть Советов готов был биться
Я с целым миром. Со всеми в ногу
Шагая дружно, качая бицепс
И выбирая трудней дорогу.

Но опускали опять на землю,

Когда стремился я в неба дали.
Отчизну всё же своей приемлю,
В которой волчий билет мне дали.

И пусть суров был товарищ Сталин,
Пусть ренегатом меня считал он,
Непобедимы при нём мы стали,
Врага встречая брони» металлом.

Давно закрыты врата ГУЛАГа,
Да и страны той уж нет в помине.
Но всё в строю я под красным флагом.
И чту Отчизны забытой имя.

Беломорье

Беломорский край суров...
Нет житья от комаров,
От мошки» да слепня летом.
Чай с морошкой, галеты

По зиме... Мороз трещит,
На плите доходят щи...
Жили издревле поморы
На холодном Белом море.

Был дружок из Беломорска,
Не икры возил заморской —
Окуней, снетков, грибы...
Эх, отведал снова бы...

Вьюга

А за окном лютует вьюга,
Дед в хате крестится на угол.
В печи трещит уютно уголь.
Старуха натянула угги.

На печке жарится картошка,
А рядом мирно дремлет кошка
В плетёном лыковом лукошке.
Бушует вьюга за окошком.

И даже здорово, что вьюга:
Уютно греют ноги угги,
Шкворчит в сковороде картошка,
И сладко спит в лукошке кошка.

И над сонной землёю парить

Ты совсем потерялся в прозрачной тиши межсезонья...
Отголоском любви,
Еле слышно, синица капелью звенит,
Словно плач загрустившей души по ушедшим резонам...
Если сможешь, лови
Ту звезду, что стремится в закатный зенит.

И в стотысячный раз пробеги цепкой памятью яркие склоны
Тех отрезков пути,
Где полз вверх или падал отчаянно вниз.
Где не видел ни зги, или свет источали святые иконы,
Где сумел ты пройти
И познать рампы свет и потёмки кулис.

А потом, оглянись и свали эту ношу, что давит нещадно,
Побреди наугад,
Вслед за всполохом в мраке рождённой зари.
Твой Асгард пусть взойдёт, защищая от брани площадной.
И научит искать берега,
И над сонной Землёю парить.

Признание в любви

Ты мой мини-Париж,
Как когда-то сказал о тебе Лихоносов,
Над Кубанью паришь,
Сентябрём вновь встречая нарядную осень...
Ты мой старый Шанхай —
Весь в убогих лачугах, как в драных галошах,
Не таящий греха —
Ведь знавал на веку времена и поплоче...

Я скучал по тебе,
Покидая надолго по собственной воле,
И ругал во злобё
В дни, когда от тоски загибался и боли.
И твои тополя
Вдруг вставали во сне, чтоб не скис я от грусти...
И листву шевеля,
Южный ветер гулял в их вершинах до хруста.

А потом, возвратясь,
Упивался по полной твоим бабьим летом.
Словно пёс-сирота
Любовался осенним багровым рассветом.
Повзрослев, понял вдруг,
Что влюблён навсегда в этот город не даром —
В улиц утренних звук,
И друзей тесный круг, что зовут Краснодаром.

И ласточек опять высок полёт

Июльский дождь так скор и тороплив,
И так порывист в звуках и движеньях,
Доходит резко до изнеможенья,
В одно мгновенье всё, что нёс, пролив.

И нарочито громкий грозный бас
Способен напугать дитя и кошку —
Грохочет гром и злится понарошку,
Слезами в бликах молний серебрясь.

Ворча беззлобно, вскоре отползёт
Облезлым псом, промокшим и несчастным.
И вновь пали'т июль на небе ясном,
И ласточек опять высок полёт.

Певец земли родной

Наивен был, воспитывал людей,
В любовь им веру жаловал и верность.
Не трогали ни призрачность идей,
Ни пошлых обещаний безразмерность.

Когда дворцы из влажного песка
Волна смывала, рушил крепкий ветер,
Он новый символ яростно искал
Средь серых дюн в закатном бледном свете.

Когда вдали надежда и любовь
Цвели, а вера тлела сигаретой,
Жизнь обнажала острый ряд зубов
И приставляла к сердцу ствол «беретты».

Но он терпел и снова в пустоту
Кричал: «Любовь, надежда, правда, вера»...
За глупость принимали простоту,
Хоть был умён и мудр он непомерно.

И он любил весь мир: бродяг, собак,
Луну и клён, вино и падших женщин.
Не в церковь шёл – в бордель или кабак —
Там больше правды, хоть и веры меньше.

Он мало жил... Но ярко проживал
Любовь, печаль, безденежье и славу...
Его мололи жизни жернова,
Страстей вулкан сплавлял в стекляшку-лаву.

И он сгорел. До срока. Пусть не сам
Закончил путь – он двигался по краю.
Куда попал он, в Ад, на небеса?
Хохочут бесы ль, ангелы ль играют

В той гулкой рани, там, за бытиём,
Где пар духмян от яблока и сена?..
Где нет его, но в слове он живёт —
Певец земли родной – Сергей Есенин.

Я придумал её, чтоб звонить

Битый час я звонил ей вчера...
Это длится, наверно, полгода.
Коротаем мы с ней вечера —
Обсуждаем кино и погоду,

Вспоминали июнь в январе,
А в июне январскую стужу.
В марте ей рисовал акварель —
Парк осенний и листик на луже...

Буду снова звонить и шептать,
Что скучаю ужасно... Вот только
Не услышать ей шёпот с листа —
Всё пишу на бумаге... А толку?

Не прочтёт никогда. Да и нет
Той её, с кем ночами заводим
Разговор о движеньи планет,
О кино, о стихах и о моде.

Я придумал её, чтоб звонить
Ей в стихах, и шептаться ночами...
Так ничтожно тонка» наша нить,
Что порвать её можно случайно.

Я опять ей звоню, вновь и вновь...
Только это напрасно, наверно —
Это просто бывшая любовь,
Что сменяла надежду на веру.

Луна просфорою нависла

Луна просфорою нависла —
Бессменный страж людских страстей.
Над Леной, Нилом, Роной, Вислой —
Погостов сторож и костей.

Смотрели сонмы поколений
На око жёлтое её.
Молились, стоя на коленях,
Ложились тьмой земных слоёв.

А око лунное взирало
На войны, смерти, тлен и прах.
Мечи сменялись на орала,
На пир чумной меняя страх.

И я, как мой далёкий пращур,
Вхожу в гипноза сонный транс.
На лик её, во тьме парящий,
Молюсь в сто тысяч первый раз.

Глава 2. Дошёл, дожил на той войне

Дошёл, дожил на той войне

Всё в глушь да в тишь,
Сам – нем и глух.
И птицы лишь
Ласкают слух.

Да неба синь
Плывёт в глазах —
Хоть вынь да кинь...
Течёт слеза —

Сквозь ветви вниз
Паучья нить,
Шевелит бриз
Густую сныть.

И лишь чуть-чуть
Листва дрожит...
Упасть, уснуть —
Здесь нет чужих,

Нет свиста пуль,
Бинтов и ран...
Сержант, как куль,
Шинели рвань —

Вернули в жизнь,
В войну и боль,
Где смерть кружит.
Патрон и ствол —

Друзья твои,
Убив, спасут.
Смерть – конвоир,
А совесть – суд.

Там, за леском,
И фронт уже.
А ты ползком
На рубеже.

Сержант тяжёл,
Но ты упрям.
Он ликом жёлт —

Покойник прям.

– Врёшь, не возьмёшь, —
Твердишь себе.
Сержанту врёшь,
Его судьбе —

Ему терпеть
От силы час...
– Мне больно, Петь!
Ползёшь, рыча...

Пророкотал
На фланге взрыв.
«Вон тот прогал,
За ним обрыв.

Левее спуск —
И всё, дошли».
«Сдавайся, рус!»
Орут вдали.

Шрапнели визг —
И там, где крик,
Из крови брызг
Фонтан возник.

Ещё разрыв,
Ещё один...
Слой дёрна вскрыв
Там, впереди,

Заставил вас
С землёй срастись.
Горит трава.
Земля в горсти»...

Сержант обмяк —
Шрапнель нашла...
«Ты что, земляк?»
Спина – душлаг.

Тебя щитом —
Собой прикрыл...
Лежит пластом:
Безус, бескрыл...

Граната есть,
Патронов горсть,

Нательный крест
И горечь, злость.

Ты полз вперёд,
Уже без сил...
Спустился. Вброд
На дне месил

Речушки ил
С ним на спине...
Дошёл, дожил
На той войне...

Сержанту яр
Могилой стал —
Ты сед и стар,
А он как сталь.

И как тогда
Лишь неба синь...
И жизни даль —
Куда ни кинь...

Убили его вчера

Вот снова вблизи: бух!
Убьёт одного – двух...
А через миг: бах!
Песок на твоих зубах...

В окопе не жив – мёртв
Наводчик или минёр...
И как бегемот – танк...
И похоронки бланк...

Салютом опять взрыв,
Блиндаж, как орех, вскрыв,
Засыпал голов ряд,
И брёвна вокуг горят.

Не дрейфи, браток, смерть —
Одна из таких черт,
Которую перейти
Нам надо в конце пути.

Браток, ты ещё жив!
Закурим. Чего дрожишь?
Убьют козь – всего раз...
...Убили его вчера...

И бой всё дальше, и бой всё тише

Над перевалом мгла нависает,
И под ногами – сплошная жижа.
На склоне фрицев чернеет стая,
И я их, гадов, в прицеле вижу.

Снарядов, жалко, совсем немного,
Но всё же лучше, чем нету вовсе...
Портянки сбились, растёрли ноги.
И эта слякоть, и эта осень...

Четвёртый месяц мы в обороне,
А немцы-черти там что, плодятся?
Нас в донесеньях давно хоронят,
Но мы живые, живые, братцы!

Здесь наши горы, нам лес поможет.
Их «эдельвейсам» даём мы жару.
Но хватка тоже у них бульдожья...
А рядом осень горит пожаром...

Отсыпь махорки, браток, щепотку,
Давай закурим, брат, перед боем...
А живы будем, так выпьем сотку,
За дом, за близких. За нас с тобою.

По склону копать. И пепел вьётся...
Ты что, братишка, лежишь, не дышишь...
Хотелось выпить, да вот, не пьётся...
И бой всё дальше... И бой всё тише...

Я войною был сыт в сорок пятом

Я войною был сыт в сорок пятом.
Через край. Через смерть, через слёзы
Я прополз по-пластунски, солдатом
Там, где плакали наши берёзы.

А потом, в полный рост поднимаясь,
Через страх, через боль, с автоматом,
До победного самого мая,
Шёл со Сталиным, верой и матом.

И дошёл: не загнулся, не сгинул.
До Берлина, до Праги, до Вены.
Руки, ноги ломая и спины,
Ненавидя войну откровенно.

А теперь снова враг у порога
Хуже фрица бывшего глумится,
Наплевавши на общего Бога,
Наши жжёт города и станицы.

Жаль, под сотню уже мне, не в силах
Со штыком, как тогда, в сорок пятом,
Гнать фашистов на адовы вилы,
Снова Русским явиться Солдатом.

И порою я плачу в бессилье
О победах былых вспоминая.
Дай, Господь, мне терпенья и силы,
Чтоб дожить до Победного Мая.

Защитникам Отечества

Июнь оборвался высокой струной,
На «до» разделив и на «после»
Всё то, что Советскою было страной,
Взросло... И стало вдруг взрослым.

В четыре утра разорвалось «вчера»
На «завтра» военных рассветов:
Попёрла чумою на нас немчура,
На жизнь наложив своё вето

Враг шёл, подминая под брюха машин
Родную советскую землю,
Но дух был силён и Союз нерушим —
Не сдали Москву им и Кремль.

Под Брестом и Курском, под Харьковом жгли
Коробки – фашистские танки,
Чтоб им не досталось ни пяди земли,
Ни крошки, ни щепки, ни дранки.

На Ладоги льду и на топи болот,
На небе, в горах и на море
Моряк, пехотинец, танкист и пилот
Стояли фашистам на горе.

И выстоять вместе сумели они,
И фрицев погнали обратно.
Пылают в их честь и поныне огни —
Как память о подвиге ратном.

И если придётся схлестнуться в бою
С врагом за родную Отчизну,
Мы с предками встанем в едином строю
За нашу свободу и жизни.

Протопал он от Бреста до Берлина

Протопал он от Бреста, до Берлина...
Смоленск, Кавказ, Воронеж, Сталинград...
Не верили гертруды на перинах,
Что гансов перемелет наш солдат.

Под Ленинградом, лязгая зубами,
Давясь осьмушкой хлебной без воды,
Он шёл вперёд, он гать стелил гробами,
Войны равняя чёрные следы.

Он шёл вперёд за мать и за Отчизну,
За сына, дочь, за Сталина. И верил,
Что он дойдёт. Ценой, хотя бы, жизни.
И был во гневе праведен без меры.

И день за днём, четыре долгих года,
Ползком в болотах, строем, цепью, маршем
Он шёл на запад, в ночь и в непогоду.
То с матом, то с знаменьем патриаршьим.

И он дошёл до вражеского тыла,
Войны корчуя огненные всходы,
Пусть кровь его, порою, в жилах стыла,
Всё ж грянула торжественная кода.

Седьмой десяток минул с той эпохи,
Нам вновь грозят войною из-за «лужи».
Внутри распоясались грефы, кохи,
И больше победитель им не нужен.

Но верю я: наступит сорок пятый,
Вернётся всё победною весной.
И рядом с тем, из прошлого, солдатом
Я встану с победителями в строй.

Атака

Прокуренных лёгких хрипели меха.
Трассиры пунктирами штопали ночи.
Молились и те, кто не ведал греха,
И множество всяческих прочих.

Лопаты вгрызались в промёрзшую грязь,
И пальцы цеплялись за бруствер окопа.
И бил пулемётчик в ползучую мразь,
Что к нам доползла из Европы.

Гудела земля, под ногами неслась,
И небо давилось свинцовой пургою.
Нас гнали вперёд не приказы, не власть,
Не страх – совершенно другое.

И если вдруг падал один впереди,
То брешь закрывал наступающий сзади.
И общим был враг, и Господь был един,
И гнев, что для мщенья даден.

Простуженных лёгких вздувались меха,
Хрипели «ура», прорываясь сквозь грохот.
Крошили врага без боязни греха,
Истративши жалости крохи.

Сегодня забыли на Западе дни,
Когда за фашистов просили прощенья.
И факелов снова пылают огни,
И сухой распластана ценной

Европа, готовая снова родить
Тех бесов, что в пропасть потащат полмира.
Но снова позор ждёт её впереди,
И куш не обломится жирный.

Была здесь сломана война!

Кольцо сжимала вражья рать,
И лязгало железо.
Одно желание – порвать —
Из всех калибров лезло.
Но вдруг над ними воспарил
Обычный сизый голубь.
И просветлели тыщи рыл
На поле брани голом.
– Давай за мир, чехли свой ствол,
Войны закроем карты...
Но крикнул кто-то: «Шнель!» – «Яволь!» —
Неслось в ответ над мартом...
Как говорится, «кто с мечом»...
Тому не будет пухом...
Сейчас вам станет горячо...
А после... После – глухо.

И в лобовую понеслось
Железо на железо.
Вложив в бросок всю боль и злость
За тот клочок облезлый
Земли родной, пошла вперёд
Армада в лязге стали.
И голубиное перо
Кружиться перестало,
Упав под гусеницы трак —
Став жертвой во спасенье...
И в тот момент сломался враг
Под туч весенних сенью.

И воцарилась тишина,
Дымил ковыль по полю...
Была здесь сломлена война!
Назло смертям и боли...

На войне обычное дело – смерть за Родину

Зачадил огарочек
Свечки стеариновой:
Присланное с нарочным
Письмецо иринино
Вскрыл, борясь с сомнением:
«Прочитать иль выкинуть?»
Горечь в нём отменная —
Сразу понял: «выкает»,
С первых строк растерянность,
Слёз разводы синие...
«К звёздам через тернии»...
Духом керосиновым
Пах листочек сложенный,
С кляксами чернильными.
Господи, как сложно-то
Оставаться сильными,
Если так вот скрючило,
Рот в немом рыдании:
«Дочке быть байстрючкой»...

...Скоро на задание...
Как в таком смятении
Мыслить с хладнокровием?
Под бельё нательное,
Ниткою суровой
Ладанку мамашину
Привязал по-новому:
«Будет всё по-нашему»...

К запаху соснововому
Гари смрад мешается —
Там, за лесом, зарево.
Тьма стеной сгущается
У костёла старого.

Всё, пора: предутренний
Сон особо сладостный.
Снег рассыпан пудрою —
Детям было б радостно...
Тридцать пять архаровцев —
Все бойцы отменные —
Льдом промёрзшей старицы
Шли, взбухая венами —
Тола за четырёста
Кил на них навьючили.
Ветер злой, задиристый

Месяц пас над тучами.

Вон и мост за кирхою.
Фрицы, рассупонившись,
Дрыхнут. В печке пыхают
У«гли. Им, не по'нявшим

Смерти всю коллизию,
Сладко спать за Родину —
Фатерлянд – Элизиум...
Тихо утро вроде, но
Шорохи невнятные,
Снега скрип сыпучего...
Ноги стали ватные —
Варежки колючие
Рты зажали – финками
Часовых порезали.
В штабель, к спинке спинкою,
Сгрудили по-резвому...

Три «быка» кирпичные
Тола рвать полтонною,
Плюс – гранаты личные —
Фермы там бетонные —
Крепко немцы делали,
На века, наверное...
След саней по белому,
Состоянье нервное:
– Под центра» закладывай,
Шевелись, соколики,
Свора едет лядова,
Здесь отряд – как голенький.

Только всё наладили,
Мотоциклы из лесу —
Белыми-то глядами —
Прям к мосту и вынесло.
Три машины фрицами
Позади набитые
С каменными лицами,
Злобные, небритые...

Взвода два ээсовцев,
Как грачи по белому...
Пулемёты бесятся...

Выкрашенный мелом и
Пуль прошитый строчкою,
В снег упёрся кистями:

Не простился с дочкою...

Струйками по чистому
Насту кровь, как ящерка,
Понеслась... Фанерные
Тола пухнут ящики
Под центральной фермой.
Ток бежит по проводу
Прямо к детонатору —
Фейерверк по поводу
Гитлеровой матери.

Не делить с Ириною
Дочку и имущество —
Снег накрыл периною
Мёртвых и дерущихся...
Ладанка мамашина
Польхает ссадиной —
В крови цвет окрашена
Под яремной впадиной.
...Взвод пришёл с потерями,
Выполнив задание.
«К звёздам через тернии»...
Что теперь рыдания...

На войне обычное
Дело – смерть за Родину...
Хоть совсем не личное.
Да и не природное.

Глава 3. Перестройка

Перестройка. Начало

Помню: август, восемьдесят пятый...
Тамбур... А вдали Череповец...
Мы студенты – всё же не солдаты,
Пьём с Серёгой – он по водке спец.

Горбачёвский трезвости подарок:
Три бутылки – аж за сорок пять —
«Воркутинки» с кепочкой, без марок —
Гадость, но другой нигде не взять...

Перестройка только накатила,
На югах пилили виноград
И вовсю ловили Чикатило,
А в Афгане полыхал Герат.

Мы посильную вносили лепту:
Стройку Всесоюзную вели.
В Приуральском пропахали лето,
Вдалеке от питерской земли.

Было трудно, весело и всяко:
Надрывали жилы, гнус кормя.
Но никто из нас не ныл, не плакал,
Не взывал никто: «Помилуй мя».

Строили и баржи разгружали
На подножном корме из тайги.
Были даже вписаны в скрижали
Края рек, туманов и пурги.

А в цветных долинах Гиндукуша
Наши пацаны вели войну...
Головы им резали и души
В моджахетском адовом плену.

Не Чечня – Афган – не Украина,
На чужбине дрались пацаны
И выросли быстро на руинах
Той жестокой, проклятой войны.

Ну а нас ломала Перестройка:
То, что мы впитали с молоком,
С детства что вколачивали стойко,

Разом всё, в момент, пустили в слом.

И вот так, черствея и взрослея,
Превращались внуки Октября
В бизнесменов, воров и халдеев...
Может, перестраивались зря?

Это позже... А пока с Серёгой
В тамбуре – из дыма пять колец,
Впереди – до Питера дорога,
За окном плывёт Череповец...

Перестройка. Конец Союза

Прошлый век, конец восьмидесятых.
Еле жив Союз, ушёл Афган.
Перестройка лапой волосатой
Рушит всё, круши'т, как ураган.

Горбачёв и Рейган пилят «Рашу»,
К власти рвутся Ельцин и Попов.
На народ плевали «слуги» наши,
Их слова не стоят медяков.

По талонам всё и по купонам:
Хлеб, картошка, мясо, молоко...
Беспредела волчьи законы,
И девиз: «Кому сейчас легко?»

Питер ест козлят новозеландских —
Не брезглив я, но козлиный дух
Сделать мог сторонником веганских
Предпочтений, если острый нюх.

Кто-то ел... Хотя б, козлов заморских —
А у многих не было муки,
Масла, как в эпоху продрозвёрстки.
И махру курили мужики...

А потом и вовсе покатило:
Сдали янкам Польшу, ГДР...
В пиджаках малиновых мутилы.
Блок-посты из танков, БТР...

Пьяная разборка в Белой Веже,
И задор чубайсовских речей...
Президент – пропойца и невежа...
И народ – забитый и ничей...

«Иномарки», первые «мобилы»,
В чемоданах деньги и в мешках.
Не скажу, что весело там было —
Чуть не так – и катится башка...

Карабах, Чечня, дефолты, взрывы,
Утюги, «палёный» спирт «Royal»...
«Челноки», рукастые, как Шива...
Про Ванкувер грёзы, Монреаль.

Подняли'сь-скатились, рост – паденье...

Обжигают, словно кирпичи...
Ждёт народ: опять вот-вот разденут,
Как обычно, терпит и молчит...

Продаются тайны и ракеты,
Корабли, мозги, и даже честь...
Продаём шестую часть планеты
За бумагу. Словно ставим крест.

Обнищали духом и делами,
На Восток глядим, за океан...
Иисуса нам бы, Будду, Ламу,
Нулевой бы нам меридиан...

Но в России мы. И за Уралом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.